

4. Flint K. Elizabeth Gaskell / K. Flint. – UK : Northcote House Publishers, LTD, 1995.
5. Freeland N. The Politics of Dirt in Mary Barton and Ruth.(Literary Criticism of Elizabeth Gaskell's Works) / N. Freeland // Critical essay. Studies in English Literature, 1500–1900. – 2002. – Vol. 42 (4). – P. 812.
6. Gallagher C. The Industrial Reformation of English Fiction: Social Discourse and Narrative Form 1832–1867 / C. Gallagher. – University of Chicago Press, 1985.
7. Gaskell E. Mary Barton. A Tale of Manchester Life. Edited with an Introduction and Notes by Macdonald Daly / E. Gaskell. – Penguin Books, 1996.
8. Gaskell E. The Letters of Mrs. Gaskell / eds. J.A.V. Chapple, A. Pollard / E. Gaskell. – Manchester : Mandolin Press, 1997.
9. Gilligan C. In a Different Voice: Women's Conceptions of Self and Morality / C. Gilligan // Harvard Educational Review. – 1977. – № 47. – P. 481–517.
10. Gravi R. Elizabeth Gaskell: Mary Barton. Humanities, E-books.co.uk., 2007.
11. Guy M. Josephine. The Victorian Social Problem Novel: The Market, the Individual and Communal Life / Guy M. Josephine. – UK : Macmillan Press LTD, 1996.
12. Harman B. Leah. The Feminine Political Novel in Victorian England / Harman B. Leah. – University Press of Virginia, 1988.
13. Harvie Ch. The Centre of Things. Political Fiction in Britain from Disraeli to the Present / Ch. Harvie. – Routledge, 1991.
14. Johnston S. Women and Domestic Experience in Victorian Political Fiction / S. Johnston. – Greenwood Press, Westport.Conn. and London, 2001.
15. Koustinoudi A. The Split Subject of Narration in Elizabeth Gaskell's First-Person Fiction / A. Koustinoudi. – UK : Lexington Books, 2012. – P. 12.
16. Kundera M. The Art of the Novel / M. Kundera. – Faber and Faber, 1990. – P. 64.
17. Macherey P. A Theory of Literary Production., trans. Geoffrey Wall / P. Macherey. – UK : Routledge and Kegan Paul, 1978.
18. Marroni F. D'Agnillo, Renzo & Verzella, Massimo. Elizabeth Gaskell and the Art of the Short Story. – Bern : International Academic Publishers, 2011.
19. Shelston A. Brief lives: Elizabeth Gaskell / A. Shelston. – London : Hesperus, 2010. – P. 7.
20. Showalter E. A Literature of Their Own, 1977 / E. Showalter. – P. 71.
21. Stoneman P. Elizabeth Gaskell / P. Stoneman. – Manchester University Press, 2006.
22. Williams R. Culture and Society 1780–1950 / R. Williams. – Columbia University Press, 1958.
23. Yeazell R. Why Political Novels Have Heroines: Sybil, Mary Barton and Felix Holt / R. Yeazell // Novel. – 1985. – 18 (2). – P. 126–44.

КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Илиева Фарица Магомедовна, научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-т И. Языкова, 4, e-mail: fm-il@rambler.ru.

В статье представлен новый взгляд на категорию степени сравнения имен прилагательных в ингушском языке. В статье с точки зрения теории функциональной семантики автором устанавливаются четыре степени сравнения для ингушских прилагательных: позитив, компаратив, суперлатив (элатив), экватив.

Ключевые слова: степень сравнения, позитив, компаратив, элатив, суперлатив, экватив.

CATEGORY OF THE DEGREE OF COMPARISON OF QUALITATIVE ADJECTIVES IN THE INGUSH LANGUAGE

Ilieva Fariza M., researcher, Ingush Research Institute of Ch. Akhriyev, 386001, Republic of Ingushetia, Magas, I. Zyazikov Ave, 4, e-mail: fm-il@rambler.ru.

The article is defined by the fact that a new look at the category of the degrees of comparison of adjectives in Ingush language is represented. Author establishes 4 degrees of comparison from the viewpoint of functional semantics: positive, comparative, elative (superlative) and equative.

Key words: degree of comparison, positive, comparative, elative, superlative, equative.

Как известно, одним из грамматических признаков качественных прилагательных является наличие степеней сравнения.

Категория степени сравнения определяется в языкознании как словоизменяемая морфологическая категория, образуемая традиционно рядами противопоставленных друг другу форм с морфологическим значением положительной, сравнительной и превосходной степеней.

Граммемы категории степени сравнения характеризуют степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени [9, с. 117]. Семантической основой степеней сравнения обозначается количественная оценка степени проявления признака.

Оценка степени сравнения возможна лишь по отношению к изменяющемуся признаку, который допускает нарастание или убывание, т.е. градуирование. Градуированность является необходимым условием изменения слов по степеням сравнения. Так, Э. Сепир отмечает, что градуирование допускают любые объекты, способные получить какую-либо количественную характеристику, а таковыми могут быть предметы, действия, признаки предметов и признаки признаков [10, с. 44–46].

В языкознании принято выделять четыре степени сравнения: позитив [отсутствие сравнения], экватив [такой же ..., как ...], компаратив [более ..., чем ...], суперлатив [самый ...] [1; 4; 6].

Кроме этих четырех, в качестве компонента категории сравнения иногда выделяют модератив, обозначающий ослабленную степень качества (Лернер, Куперман). Хотя, на наш взгляд, будет правильным отнести эту форму к степеням качества, а не к степеням сравнения.

Позитив. Средством выражения положительной степени (позитива) служит совокупность форм качественных прилагательных. В формах положительной степени в ингушском языке заключено морфологическое значение, представляющее названный прилагательным признак предмета непосредственно и безотносительно к его проявлению в других предметах: *хожа / красивый, Таьржа / черный, шера / широкий*.

Согласно преобладающей точке зрения, позитив характеризует признак предмета, не сравнивая данный предмет с другими по степени этого качества. О. Есперсен считал, что положительная степень является формой скорее «отрицательной» в отношении сравнения, чем «положительной», и не может быть названа степенью сравнения, поскольку, когда мы называем книгу старой, мы не сравниваем ее с другой книгой [6].

Не все лингвисты находят убедительной аргументацию, согласно которой позитив выводится за пределы степеней сравнения, т.к. качественный признак, допускающий противопоставление степеней сравнения, по своей природе не имеет фиксированного абсолютного значения. Образование степеней сравнения предполагает, что выражаемый прилагательным признак занимает некоторый диапазон, не имеющих точных объективно установленных границ, отличающих его от других признаков: «все эти свойства являются более или менее относительными, т.е. установление, где то или другое свойство кончается и где оно начинается, более или менее субъективно» [7, с. 126].

Если взять все три формы степени сравнения имен прилагательных в ингушском языке (*лакха* / *высокий*, *лакхаг1а* / *выше*, *эггара лакхаг1а* / *самый высокий*), они обозначают степень интенсивности признака не абсолютно, а в сравнении со степенью интенсивности этого признака у других его носителей, выступающих в роли стандарта (основания) сравнения. Различие же между положительной степенью, с одной стороны, и сравнительной или превосходной степенями сравнения, с другой, состоит в типе точки отсчета (стандарта сравнения). Для положительной степени в роли стандарта сравнения выступают более или менее фиксированные и, как правило, не эксплицируемые «нормы», а для сравнительной и превосходной степеней сравнения он избирается самим говорящим, и при этом должен быть либо назван, либо однозначно определяться из контекста.

Таким образом, думается, будет правильным указывать на наличие положительной степени сравнения прилагательных, так как признак предмета, выражаемый этой формой прилагательного, является относительным и субъективным, а оценка говорящего зависит, прежде всего, от его личного опыта.

Компаратив. Имя прилагательное в форме сравнительной степени в ингушском языке обозначает качество, характерное для данного предмета в большей или меньшей степени по сравнению с теми же качествами в других предметах, а также по сравнению с качествами, которыми данный предмет обладал ранее или будет обладать в дальнейшем: *хозаг1а* / *красивее*, *1аьржаг1а* / *чернее*, *шераг1а* / *шире*: ... *ди-каг1ча* *говраш т1а а хайше* [Кодзоев И. Г1алг1ай фольклор] / ... *сев на лучших лошадей*. Форма компаратива является регулярной для качественных прилагательных ингушского языка. Формальным показателем сравнительной степени является аффикс *-г1а*, который присоединяется к основе качественного прилагательного в форме положительной степени. Возможно одновременное употребление формы компаратива и интенсификации; этим говорящий усиливает сравнение: ... *ер са письмо кхы а безамег1а, кхы а д1айхаг1а хургдар* (Зязиков Б. Х. Турпала вахарцара ийс ди) / ... *это мое письмо было бы с еще большей любовью, еще более сердечнее*.

В соответствии с логической структурой сравнение обобщенно представляется как модель, в которой *А больше В*. Эта структура включает три основных элемента:

- 1) сравниваемый предмет (лицо, признак, ситуация и др.) – первый компарат, объект сравнения;
- 2) то, с чем он сравнивается, – второй компарат, стандарт сравнения;
- 3) выбранный аспект сравнения.

В зависимости от типа стандарта сравнения (точки отсчета), можно различать эксплицитное и имплицитное сравнение и, согласно этому, эксплицитную и имплицитную релятивность степеней сравнения.

При эксплицитном сравнении предметы или явления, выступающие в качестве стандарта сравнения, избираются говорящим, и обычно имеют вербальное выражение в синтаксической структуре сравнительной конструкции: *йи1игал лакхаг1а к1аьнк ва* / *мальчик выше девочки*.

Таким образом, сочетания сравнительной степени с падежной формой, обозначающие стандарт сравнения, образуют особые синтаксические конструкции. Ни их взаимозамена, ни употребление вместо них положительной степени невозможны: если прилагательное в форме сравнительной степени служит определением (*лакхаг1а йола га* / *более высокое дерево*), то невозможна перестановка элементов данной синтаксической конструкции. Если же прилагательное в форме сравнительной степени является предикатом (*га лакхаг1а я* / *дерево выше есть*), то в зависимости от желания говорящего выделить логическим ударением один из элементов сравнительной конструкции возможна перестановка ее составляющих (*лакхаг1а я га* / *выше есть дерево*).

Различают две структурные разновидности эксплицитно релятивных сравнительных конструкций: трехчленные (в которых представлены все три семантически обязательных компонента сравнения): *керда ц1а воккхарел лакхаг1а да* / *новый дом выше других* и двучленные (в которых стандарт сравнения словесно не выражен, хотя и подразумевается): *керда ц1а лакхаг1а да* / *новый дом выше*.

В ингушском языке принято выделять синтетическую и аналитическую формы сравнительной степени [8; 2]. Полагают, что аналитическая форма сравнительной степени образуется одновременным прибавлением субстантива или местоимения в форме сравнительного падежа и простой формы сравнительной степени: *цул дикаг1а саг* / человек лучше его. На наш взгляд, в данном случае мы имеем не аналитическую форму компаратива, а трехчленную конструкцию синтетической формы, в которой присутствуют все три указанных элемента сравнения.

Суперлатив, элатив. В языкознании отмечены два основных значения превосходной степени: относительная высшая (суперлатив) и абсолютная высшая, т.е. предельная степень (элатив). Значение суперлатива выявляется в контексте, где предполагается сравнение предметов, один из которых обладает признаком, проявляемым в нём в наибольшей степени по сравнению с другими предметами: *к1аьнкех эггара массаг1авар* / самый быстрый из мальчиков. Формальным признаком при суперлативе является форматив вещественного падежа.

Здесь интересно было бы отметить и тот факт, что очевидно (а это следует из структуры формы прилагательного в компаративе) сравнительная степень (компаратив) прилагательного в ингушском (и в чеченском) языке представляет собой рудиментарную форму имени существительного в значении вещественного падежа единственного числа. Аффикс *-х* вещественного падежа со временем озвончается и переходит в звонкий латеральный звук *-г1*, видимо, под влиянием агглютинативных законов сращения в сфере ингушского языка.

Значение превосходства передается аналитически: *эггара* / самый или *массарел* / всего, всех + прилагательное в форме компаратива: *Укх метте эггара шераг1а да кха* / В этом месте пашня самая широкая.

Стандартом сравнения суперлатива может быть только некоторое множество предметов или явлений: суперлативные формы количественно соотносят определяемый ими предмет с каким-то множеством, которое может полностью или частично охватывать однородный ряд предметов: *дикаг1а вола хьехархо* / лучший учитель. В качестве стандарта сравнения суперлатива может выступать и совокупность «проявлений качества у одного и того же объекта, способного видоизменяться» [5, с. 122].

Объект сравнения в суперлативе выделяется из того же множества, которое составляет стандарт сравнения.

Элатив в ингушском языке выражает безотносительно высокую степень признака, т.е. без актуализации элемента сравнения с чем-либо. Элатив отличается от суперлатива в ингушском языке отсутствием презумпции единственности носителя соответствующей степени признака. Элативное значение проявляется в предмете вне сравнения с другими предметами и указывает на то, что признак присущ предмету в абсолютной, предельной степени.

Ингушский префикс *m1ex-* / *сверх-, наи-*, присоединяясь к форме положительной степени прилагательных, подчеркивает значение безотносительно высокой степени качества (элатив): *m1exдика* / очень (сверх)хороший, *m1exговза* / очень (сверх)искусный. Имена прилагательные, которые образуют элатив добавлением префикса *m1ex-*, немногочисленны. Обычно они характеризуют предмет или лицо с положительной стороны.

Экватив. Эквативом принято называть сравнительные обороты речи, выражающие одинаковую степень качества, равенство качества: например, «такой же хороший, как ...», «столь же положительный, как ...», «такой же надежный, как ...».

В отечественном языкознании разработка вопроса об эквативе принадлежит Ю.Л. Воротникову, который, следуя принципам функциональной грамматики, включал равную степень наряду с позитивом в систему степеней сравнения [4, с. 57–59]. Результаты его исследований показали, что при межуровневом подходе экватив необходимо анализировать в системе относительных степеней качества, хотя его значение выражается только на уровне синтаксических построений той или иной структуры.

Исследователи нахских языков не обошли вниманием эти формы, но подход к ним был неоднозначный. Так, например, П.К. Услар отмечает, что в чеченском языке равенство качества «выражается с помощью наречия санна – как, причём предмет

сравниваемый ставится впереди того, который берется для сравнения» [11, с. 43]. К.З. Чокаев же рассматривает их как усилительные сложные прилагательные [12, с. 137]. Л.Д. Мальсагова считает, что ошибочно называть подобные конструкции сложными прилагательными, это «скорее всего неразложимые синтаксические словосочетания типа: яснее дня, темнее ночи, чернее угля...» [8, с. 179].

На наш взгляд, наиболее приемлемой для рассматриваемых форм ингушского языка является точка зрения Ю.Л. Воротникова, а именно: передаваемое ими значение позволяет вводить их в систему степеней сравнения, но для выражения значения сравнения необходимы определенные синтаксические конструкции.

В ингушском языке экватив выражается аналитически: при помощи наречия *мо, санна / подобный, такой же: лоа мо (санна) к1ай / белый как снег (подобно снегу), к1ора мо (санна) 1аьржа / черный как уголь (подобно углю).*

Синтетическое оформление экватива – явление редкое в ингушском языке, хотя в художественных произведениях ингушских писателей и в речи представителей старшего поколения встречаются обороты со сравнительным падежом (который выполняет функцию сравнения качества, т.е. функцию экватива): *Царех саг ца1 аьнна шийга кхайкача, ц1ералла ц1ийлора Нансат* [Зязиков Б.Х. Турпала вахарцара ийс ди] / *Если кто-то из них звал ее, Нансат краснела (подобно огню).* Используемая в этом примере лексема *ц1ийлора / краснела* является глагольной формой адъективного происхождения, но для нас важно то, что исходный оборот *ц1ералла ц1е / красный как (словно) огонь* использовалась в ингушском языке.

Таким образом, в ингушском языке мы устанавливаем наличие четырех форм граммы степени сравнения позитива, компаратива, суперлатива (элатива), экватива, в отличие от традиционно признанных трех степеней сравнения позитива, компаратива и суперлатива, а также устанавливаем связь данной граммы со значением градуирования.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 366 с.
2. Аушева Э. А. Именные части речи в ингушском языке : дис. ... канд. филол. наук / Э. А. Аушева. – Магас, 2007. – 144 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Ком-Книга, 2006. – 280 с.
4. Воротников Ю. Л. Равная степень и средства ее выражения в русском языке / Ю. Л. Воротников // Филологические науки. – 1990. – № 4. – С. 56–63.
5. Гулыга Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
6. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – 400 с.
7. Кржижкова Е. Количественная детерминация признака в русском языке / Е. Кржижкова // Синтаксис и норма. – М. : Наука, 1974. – С. 122–144.
8. Мальсагова Л. Д. Качественные имена прилагательные в чеченском и ингушском литературных языках : дис. ... канд. филол. наук / Л. Д. Мальсагова. – Тбилиси, 1972.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии / И. А. Мельчук. – М. – Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. – Т. 2. – 544 с.
10. Сепир Э. Градуирование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – С. 43–78.
11. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык / П. К. Услар. – Тифлис : Типография канц. Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. – 120 с.
12. Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Словообразование частей речи / К. З. Чокаев. – Грозный, 1968. – Ч. 1.

References

1. Апресян Ю. Д. Leksicheskaia semantika. – M. : Nauka, 1974. – 366 s.
2. Ausheva Je. A. Imennye chasti rechi v ingushskom jazyke : dis. ... kand. filol. nauk. – Magas, 2007. – 144 s.

3. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki. – M. : KomKniga, 2006. – 280 s.
4. Vorotnikov Ju. L. Ravnaja stepen' i sredstva ee vyrazhenija v russkom jazyke // Filologicheskie nauki. – 1990. – № 4. – S. 56–63.
5. Gulyga E. V., Shendel's E. I. Grammatiko-leksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke. – M. : Prosveshchenie, 1969. – 184 s.
6. Espersen O. Filosofija grammatiki. – M., 1958. – 400 s.
7. Krzhizhkova E. Kolichestvennaja determinacija priznaka v russkom jazyke // Sintaksis i norma. – M. : Nauka, 1974. – S. 122–144.
8. Mal'sagova L. D. Kachestvennye imena prilagatel'nye v chechenskom i ingushskom literaturnyh jazykah : dis. ... kand. filol. nauk. – Tbilisi, 1972.
9. Mel'chuk I. A. Kurs obvej morfologii. – M. – Vena : Jazyki russkoj kul'tury, Venskij slavisticheskij al'manah, 1998. – T. 2. – 544 s.
10. Sepir Je. Graduirovanie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M. : Progress, 1985. – S. 43–78.
11. Uslar P. K. Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie. Chechenskij jazyk. – Tiflis : Tipografija kanc. Glavnonachal'stvujuwego grazhdanskoj chast'ju na Kavkaze, 1888. – 120 s.
12. Chokaev K. Z. Morfologija chechenskogo jazyka. Slovoobrazovanie chastej rechi. – Groznyj, 1968. – Ch. 1.

ДЕНОТАТИВНОЕ И РЕФЕРЕНТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ТЕКСТЕ

Хайрова Роза Резвановна, научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч. Ахриева, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-т И. Языкова, 4, e-mail: roz.ing.81@mail.ru.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что здесь представлен новый взгляд на функциональные свойства местоимений в ингушском языке с точки зрения прагмалингвистики. Рассматриваются особенности местоимений при осуществлении ими денотации и референции. При анализе учитывается специфика каждого из этих понятий, так как при исследовании функциональной природы местоимений в тексте требуется четкое их разграничение.

Ключевые слова: дейксис, анафора, денотация, референция, субститут, коррелят.

DENOTATIVE AND REFERENT USE OF PRONOUNS IN THE INGUSH TEXT

Hayrova Rosa R., researcher, Ingush Research Institute of. Ch. Akhriyev, 386001, Republic of Ingushetia, Magas, I. Zyazikov Ave, 4, e-mail: roz.ing.81@mail.ru.

The actuality (currency) of the subject of the given article is defined by the new look at functional properties of pronouns in Ingush language from the point of view of pragmalinguistic. The features of pronouns are considered at realization of denotation and reference by them. The specific of each of the notions are taken into account in the analysis, as their clear differentiation is needed in the investigation of functional nature of the pronouns in the text.

Key words: deixis, anaphora, denotation, reference, substitute, correlate.

Роль местоимений в тексте очень велика. Они становятся своеобразными словами-проводниками, связывающими разные плоскости сознания и языка в процессе коммуникации. Местоимения соотносят в речи разные слова, слова и объекты действительности, отдельные понятия и классы и т.д. Они помогают связать единицы разных уровней в единую структуру, предназначенную для сообщения какой-то информации, и активизируют усвоение данной информации адресатом.

Как показывает анализ местоимений по функции в процессе порождения связного текста, степень информативности конкретного текста обусловливается главным образом употреблением местоименных вариантов, а также способом их использования.